

пристрастие к глубокой мизансцене в творчестве иранских режиссеров появилось не в одночасье, а имеет некую традицию. Не случайно построение изображения некоторых иранских кинокартин («Габбе» М. Махмальбафа, короткометражки «Наедине с землей» В. Мосаиана и «Музыка, духи, горы» Б. Тавакколи) перекликается с композицией персидской миниатюры.

Миниатюра в свое время унаследовала технические приемы наскальных изображений, ее появлению и развитию способствовала мелкая пластика древнеиранского декоративно-прикладного искусства. Сегодня древнеиранское изобразительное искусство, классическую персидскую миниатюру и современный авторский иранский кинематограф объединяет во времени неразрывная связь через культурную традицию. Очевидно, что построение фильмов иранского кинематографа, с одной стороны, подчинено общекинематографическим законам, а с другой — апеллирует к внекинематографической этнокультурной традиции.

Библиография

- Лосева И., Дьяконов М.* Искусство Древнего Ирана (с середины I тыс. до н.э.) // Всеобщая история искусств. М., 1956. Т. I.
- Пугаченкова Г., Галеркина О.* Миниатюра Средней Азии. М., 1979.
- Филитов С.А.* Два аспекта киноязыка и два направления развития кинематографа. Прологомены к истории кино // Киноведческие записки. М., 2001. № 54. С. 245–285.
- Филитов С.А.* Два аспекта киноязыка и два направления развития кинематографа. Прологомены к истории кино // Киноведческие записки. М., 2001. № 55. С. 149–197.
- Шахов А.* Аббас Киаростами // Персия (приложение к журналу «Азия и Африка сегодня»). М., 2002. № 2. С. 19–21.
- <http://www.farhang.al-shia.ru/sovrem.html#agd> — Современное иранское искусство (11.01.2010).

И.Ю. Котин

АЗИАТСКОЕ ВРЕМЯ ПО ГРИНВИЧУ: ТРУДЫ И ДНИ ИНДИЙСКИХ ИММИГРАНТОВ ГЛАЗАМИ ПОЭТА ДАЛДЖИТА НАГРА

Томик стихов Далджита Награ я нашел на полке, посвященной поэзии, в маленькой лавке букиниста, пристроившейся прямо на городской стене еще римского времени, окружающей Честер — милый городок в Северной Англии, прославленный своими викторианскими домами и преимущественно «белыми», пожилыми консервативными обитателями. Это рай для поклонников «старой доброй Англии», и пусть Вас не смущает китчевый викторианский циферблат на римской стене. Честер славится своим консервативным населением и голосует за тори. Здесь почти нет индийцев или афро-британцев — представителей крупных этнорасовых меньшинств Англии. В лавке букиниста также не нашлось бы, наверное, места сборнику стихов индо-английского поэта, не будь

это издание престижного лондонского дома «Фабер и Фабер», специализирующегося на качественной книжной продукции — классике английской литературы, биографиях, литературоведческих исследованиях. И вот — в бордовой обложке — небольшой сборник с названием, отсылающим к стихам Мэтью Арнольда, поэзии Хью Одэна, в то же время некоторой неправомерностью оборота намекает, что перед нами — «Одиссея» иммигранта, «прибывшего» в Англию, символом которой издавна были белые скалы Дувра. Впрочем, несмотря на пенджабские корни, автор — родившийся в Англии британец.

Как гласит краткая справка об авторе, Далджит Награ родился в 1966 г., преподает английский язык в одной из лондонских школ. Он лауреат ряда престижных британских конкурсов поэзии, автор многочисленных публикаций в британских и зарубежных журналах и альманахах, участник многочисленных поэтических состязаний и прочих мероприятий, которыми богата Англия, по-прежнему равнодушная к поэзии и эпатажу. Интереснейший поэт Далджит Награ вошел в английскую литературу под эпатажным псевдонимом «Хан Сингх Кумар», включающим типичные окончания «фамилий» мусульман — Хан, сикхов — Сингх и индусов — Кумар. От лица Хана Кумара Сингха написано Далджитом Награ такое стихотворение:

Вы заказывали Хана Сингха Кумара?

Скажите, мне к лицу эта маска, не подошедшая бритту?

Или мне позволено сорвать свою черную кожу?

С вами поэт из гетто Хан Сингх Кумар говорит —

Или поэту из гетто душу раскрыть не положено?

Должен ли я, пенджабец, говорить на пенджабском сленге?

Здесь, на острове, на британском ленде.

Вы позвали меня заполнить эту лауну!

Я пришел заполнить эту лауну.

Хорошо ли мне быть затычкой в бутылке?

Как вести себя, если ты — затычка в бутылке?

Ваше ружье стреляет — я ли серый дымок?

Если Вы на охоте — не за мной ли помчится бульдог?

Позволено ли мне мелом моей души

Писать стихи на черной доске моей кожи?

Все ли слова позволены? Все ли они хороши?

Или, как Гангадин, я должен всегда быть хорошим?

Вы позвали меня заполнить эту лауну!

Я пришел заполнить эту лауну.

Хорошо ли мне быть затычкой в бутылке?

Как вести себя, если ты — затычка в бутылке?

У меня жена в сари и английская роза в петлице,

Могу я полакомиться от мультикультурного пирога?

Чем себя наградите, позволив со мной водиться?

Как далеко в ваш мир ступит моя нога?

Азиатское время

*Мне нет дела до ваших аплодисментов —
Сухих и пустых, как раковина, но я хотел бы знать —
До какой границы, до какого момента
Могу, разорвав оболочку, я в британца играть....*

[Daljit Nagra. P. 6–7. Пер. И. Котина]

Примечательно обращение к образу Гангадина — «хорошего индийца» из баллады Киплинга, функция которого — жить и умереть за «белого сахиба». Жить и умереть за «белого господина» Хан Сингх Кумар не намерен.

Позднее Далджит Награ отказался от псевдонима, ибо он уже вошел в современную английскую литературу и более не нуждался в масках. К тому же вкусы и интересы Награ не замыкаются темой индийской диаспоры. Но нас интересует прежде всего эта тема. И начинает ее разработку Далджит Награ с рассказа о первопроходце — одном из первых индийцев, оказавшихся в Англии и наладивших цепь миграции из родной деревни в Ангрезистан (т.е. в «страну ангрезов»), так в Южной Азии называют Англию. (Отмечу, что в английском оригинале дано просто название England.) Итак, вот рассказ о «первопроходце»:

Прелюдия

*Он первым из наших мест
Недорогим пароходом
Прибыл в Ангрезистан.
Год работы в две смены
И вот уже новый «Энфилд»
Красуется в его доме —
Черное с серебром.
Он был для нас как витрина,
Мы же бросали байки
У дома
И шли послушать
О быстрых деньгах рассказа.
И я пересек те воды,
Как многие англичане,
Прославившие свое имя
Походами за моря.
Я добрался до дома
Нашего первопроходца —
Вот он, покрытый граффити,
Старый сырой сарай.
Он бросил доску на ванну
И назвал это спальней,
Сказав, что у многих приезжих
Нет и такого жилища.
Слил в туалете воду.
И направился в кухню,*

Азиатское время

*Где накормил меня старым
Чапатти из коробка.
А я ведь жену оставил
И работу на почте
В своей любимой деревне,
Все это потому,
Что этот бывший пропойца.
Сын уборщика улиц,
Судя по его письмам,
Здесь быстро разбогател.
Когда я его пытаю:
Где же эта халява?
Простая такая работа —
На кнопки нажимать?
Он сквозь желтые зубы
Неприятно смеется,
Он сед, и глаза его впали —
Проклятый ходячий труп...
[Daljit Nagra. P. 5. Пер. И. Котина]*

Неприглядная картина, не правда ли? Но и мир, в котором живет Далджит Награ, далек от идеального. Он родился в семье пенджабцев, тяжким трудом скопивших на домик в самом индийском из местечек Лондона — Саутхолле. Не его ли зарисовка дана в следующем стихотворении?

Наш городок со всей Индией в нем

*Наш городок в Англии вмещает всю Индию
С ее гурудварами, мандирами и мечетями,
Наш проспект желтеет не от униформ оранжестов,
Но от шафрана индусских флагов.
Наш апрельский Вайсакхи
Заглушает Пасху,
А безумье при полной луне —
Признак Ида
С его танцами до утра
И кухней тандури.
У нас костры Гая Фокса
Сливаются с огнями Дивали —
Праздника возвращения
Нашего Одиссея — Рамы
К своей по-пенелопии преданной Сите.
У нас звучат хиты Болливуда
и ритмы Бхангра,
Передаваемые нашей Санрайз Радио.
В магазинах звучат звуки ситара —
Там, где брэнчали регги карибцев,
Где когда-то тусовались стилиаги...
На витринах наших кафе —*

*баррикады шафранных сладостей,
И джалеби, пропитанные сиропом,
Сплетающиеся в паутину, как наши кланы.
Наши прилавки отмыты от крови и мяса,
на них — масса баклажанов,
ананасов, личи и манго.
Наши лоды, идущие с фабрики,
Кормят английских лебедей чапатти,
наши девы, возвращаясь из школ в униформе,
Мечтательно глазуют
на витрины с манекенами в облегающих сари,
На штуки ситца и шелка на любой вкус.
В нашем брачном агентстве мамаша
Сбежавшей из-под венца дочери
Рыдает над роскошным альбомом
с глянцевыми женихами со всей Индии в нем.*

[Daljit Nagra. P. 12–13. Пер. И. Котина]

Это стихотворение дает весьма подробную картину того, что увидит в Саутхолле каждый приезжий. Район Саутхолл почти на 100 % населен индийцами, преимущественно панджабцами. Не удивительно, что здесь много мечетей, индусских храмов — мандиров и особенно сикхских молельных домов — гурдвар. Священные для индусов и сикхов шафрановые одеяния, религиозные флаги и драпировки видны повсюду, сравниваемые здесь с желтыми цветами униформы оранжистов — сторонников твердой власти протестантского короля (королевы) («оранжистов» в пику позициям католиков — «папистов»). Последний конфликт характерен в настоящее время только для Северной Ирландии, где он до недавнего времени принимал форму оранжистских парадов, провоцировавших порой крупномасштабные столкновения. В Саутхолле же все довольно мирно. Здесь даже кровь на разделочных досках мясных лавок давно стерта. Индусы преимущественно вегетарианцы. Сикхи также разделяют любовь к овощам и фруктам, обильно расставленным на лотках Саутхолла и заменившим здесь мясные туши и куски говядины и свинины. Индусский праздник Дивали по времени приблизительно совпадает с Ночью Гая Фокса, Пасха — с сикхским днем создания хальсы — Байсакхи. Отсюда сравнение формы их празднования. Кажется, увиденное нами — сплошной праздник, но Далджит Награ напоминает нам и о проблемах — о конфликте вследствие разницы ценностей в стране происхождения и принимающей стране. Горечью пропитаны такие произведения Награ, как «Саджид Накви» — настоящий реквием по умершему другу:

Саджид Накви

*Мы нашли нашего друга в Нисдене,
В его комнатухе мертвым, удар сердечный
Он не перенес, и родня сердечно
Позвала нас в мечеть, где мы издали*

Азиатское время

*Наблюдали, как нашего Саджа
Пакуют в гроб, убирают сажу
Усталости с лица, покрывают его глазурью,
Превращая его в яблоко или в глазунью.*

Бедняга, он мог упрямо

Ночами считать задачи из Смита,

Теперь сердито

Кто-то бормочет бесчисленное из Корана.

Его разведенная мать осталась в своей глуши,

Отец из Дарби все сделал от всей души,

Чтоб отправить сына на последний печальный пост —

В Суррей, в его глубинку, на шитский погост.

Там звучали молитвы, а позже комья земли

Падали в глубину, откуда мы не могли

Забрать нашего Саджа...

[Daljit Nagra. P. 10. Пер. И. Котина]

Вообще в стихах, посвященных трудам и дням индийских иммигрантов, Далджиту Награ нравится роль рассказчика. Его стихотворения этого цикла — своеобразные истории из жизни рассказчика, баллады в духе песен Галича или Высоцкого. Об этом говорит и сам Далджит Награ в интервью, данном им корреспонденту газеты «Гардиан»: «Я работаю в школе, я преподаю английский язык, я живу английским языком, дышу им все время, [при этом] часть меня также хочет быть индийцем. Мне действительно нравится писать об индийцах, индийкости. Я нахожу это очень высвобождающим. Все это, с чем ты вырос, вся эта интенсивность Индии, должна найти выражение в чем-нибудь. Поэзия представляется лучшим средством для этого» [Guardian. 2007. 18 Jan.]. Подобно Галичу или Высоцкому или, если брать английские параллели, подобно Дилану Томасу и Джону Бетджемену, Далджит Награ вкладывает истории в уста героев разного пола, возраста, профессии. Он рисует мир индийской диаспоры и рассказывает нам о трудах и днях индийцев за рубежом.

Библиография

Daljit Nagra Look. We Have Coming to Dover. L.: Faber&Faber, 2007.

Guardian — Patric Barkham. The Bard of Dollis Hill // The Guardian. 2007. 18 Jan.